

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХІІ.

1915

ПЕТРОГРАДЪ

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», Эргелевъ, 13

1915

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГРОДЕКОВЪ.

(1883—1913 г.г. Воспоминанія—замѣтки).

I.

Гродековъ по воспоминаніямъ сослуживцевъ и старожилловъ, какъ военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской области.—Черты его характера.—Отношеніе къ курильщикамъ и алкоголикамъ.—Заботы о народномъ образованіи.—Церковно-строительство.—Созданіе русскихъ поселковъ.—Холерный бунтъ 1892 году въ Ташкентѣ.—Дѣятельность въ Приамурьѣ.—Назначеніе туркестанскимъ генераль-губернаторомъ.

КОНЧАЛСЯ 12-го декабря 1913 года одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей, членъ Государственнаго Совѣта, генераль-отъ-инфантеріи Николай Ивановичъ Гродековъ.

Посвящая почившему и его выдающемуся государственному служенію нѣсколько строкъ, полныхъ искренняго, теплаго чувства, въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ («Нов. Вр.», 14-го декабря 1913 г., № 13564), М. О. Меньшиковъ говоритъ: «Не зная лично Н. И. Гродекова, не берусь судить о его огорченіяхъ на государственной службѣ, но тѣ, кто это близко знали, хорошо сдѣлаютъ, если по свѣжей памяти напишутъ объ этомъ и, какъ печальный вѣнокъ, возложатъ на могилу большого русскаго человѣка, замученнаго мелкими дѣлами».

Съ готовностью откликаюсь на этотъ призывъ почтеннѣйшаго М. О., какъ одинъ изъ ближайшихъ, по должности управляющаго канцеляріей генераль-губернатора, сотрудниковъ Н. И. Гродекова по его послѣдней активной должности, на боевомъ посту тур-

кестанскаго генераль-губернатора, и, насколько возможно, не задѣвая многихъ еще нынѣ здравствующихъ лицъ, съ именами которыхъ связано было много служебныхъ огорченій, треній и прямо обидъ для Гродекова, не сообщая того, что еще является служебною и канцелярскою тайною, въ виду близости къ намъ описываемаго времени, расскажу, какъ сумѣю, объ этомъ дѣйствительно «большомъ русскомъ человѣкѣ».

Я пріѣхалъ въ Туркестанъ впервые въ 1896 году, то-есть, спустя три года послѣ того, какъ Гродековъ оставилъ «не по своей волѣ» постъ военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области, который онъ занималъ ровно десять лѣтъ.

Отъ ташкентцевъ, какъ ближайшихъ сотрудниковъ Николая Ивановича, такъ и просто «обывателей», я тогда же услышалъ много любопытнаго и поучительнаго о бывшемъ губернаторѣ, оставившемъ неизгладимую память о себѣ въ области по своей безпримѣрной административной дѣятельности и по многимъ чертамъ своего характера, которыя нѣкоторые называли «чуждачествомъ».

Общій отзывъ о немъ, что это былъ человѣкъ большого ума, глубокаго знанія края, рѣдкой энергій, работоспособности, справедливости, прямоты. Но у Гродекова было немало и враговъ, какъ у всякаго энергичнаго, честнаго, стойкаго и прямого человѣка. Враги эти, не имѣя возможности оспаривать приведенныя качества и свойства Николая Ивановича, находили его излишне суровымъ, иногда рѣзкимъ до грубости; осуждали его за страсть отмѣчать слабыя стороны въ подчиненныхъ и высмѣивать ихъ въ глаза, не щадя ихъ самолюбія.

Много ходило анекдотовъ о ненависти Гродекова къ женщинамъ, боязни его женскихъ слезъ, преслѣдованіи алкоголизма и алкоголиковъ, а также куренія.

Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Николая Ивановича, noctенный А. А. Диваевъ, состоявшій переводчикомъ при областномъ правленіи и чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, былъ отчаяннымъ курильщикомъ. Николай Ивановичъ старался его «исправить» убѣжденіемъ бросить курить. Диваевъ давалъ даже такое обѣщаніе, но не въ силахъ былъ отказаться отъ любимаго удовольствія. Однажды Гродековъ, взявъ съ собою Диваева въ одну изъ поѣздокъ по области, воспользовавшись тѣмъ, что Диваевъ куда-то вышелъ на одной изъ далекихъ отъ Ташкента почтовыхъ станцій, гдѣ рѣшительно нельзя было и думать пріобрѣсти табакъ, выкинулъ изъ его чемодана весь запасъ папиросъ и съ торжествомъ ожидалъ, какъ это отзовется на Диваевѣ. Бѣдный Диваевъ переживалъ нѣсколько станцій большія муки, пока гдѣ-то не раздобылъ отвратительной махорки, которую и курилъ потихоньку, какъ школьникъ, въ трубу, попадаясь нѣсколько разъ въ своихъ продѣлкахъ Гродекову, который его неукоснительно

каждый разъ стыдилъ и убѣждалъ совершенно отказаться отъ отравленія такимъ наркотикомъ.

Водка и вино были изгнаны со стола Николаемъ Ивановичемъ, и только своему слугѣ, персу Мустафѣ, спасшему Гродекову жизнь во время его смѣлой поѣздки въ С. Афганистанъ въ 1879 году, да нынѣ умершему генералу Т. разрѣшалось въ присутствіи Николая Ивановича пить вино и водку. Однажды Николай Ивановичъ, проѣзжая по области и присутствуя на торжествѣ открытія новаго тракта, узналъ, что «почтосодержателемъ» поставлено въ счетъ угощенія Гродекова за вино и водку; это страшно взволновало и разсердило Гродекова, что ему, такому проповѣднику трезвости, вдругъ ставили будто бы вино и водку, которыя въ дѣйствительности были использованы довѣреннымъ почтосодержателемъ.

Бывшіе подчиненные Николая Ивановича жаловались на его подавляющую всѣхъ работоспособность, энергію и требованіе и отъ сослуживцевъ своихъ если не такой, то во всякомъ случаѣ напряженной работы.

Свой рабочій день Николай Ивановичъ начиналъ съ шести часовъ утра и иногда къ этому времени экстренно вызывались докладчики по какимъ-либо срѣшнымъ или особо интересовавшимъ неутомимаго губернатора вопросамъ. Докладчики задерживались у губернатора иногда до глубокой ночи, такъ какъ Николай Ивановичъ требовалъ всегда самаго обстоятельнаго, исчерывающаго доклада и при томъ совершенно объективнаго, основаннаго исключительно на обстоятельствахъ дѣла, а не симпатіяхъ, антипатіяхъ или иныхъ личныхъ побужденіяхъ докладчиковъ. Телефонъ изъ губернаторскаго дома работалъ во всю, а до изобрѣтенія телефона изъ губернаторскаго дома по Соборной улицѣ во всѣ концы города летали джигиты съ записками губернатора, по которымъ или требовалась личная явка, или же немедленное исполненіе какой-либо бумаги, или же иногда сложная справка. Если бумага или справка задерживались, слѣдовалъ новый гонецъ съ энергичнымъ напоминаніемъ. И дѣла не залеживались, а исполнялись ускореннымъ темпомъ.

Какъ не выносили Николай Ивановичъ лѣни, такъ ненавидѣлъ онъ всякую ложь, фальшь. Тотъ, кто позволилъ себѣ хоть малѣйшую ложь, утрачивалъ навсегда довѣріе Николая Ивановича и подвергался его сарказмамъ. Николай Ивановичъ былъ большой мастеръ высмѣять и подшутить остроумно, съ большимъ юморомъ надъ попавшимся лжецомъ.

Продолжительная задержка докладчиковъ вела иногда къ трагикомическимъ результатамъ. Самъ Николай Ивановичъ рассказывалъ намъ, что чуть не довелъ одного изъ своихъ любимыхъ сотрудниковъ, на другой же день послѣ свадьбы, до разрыва съ женою. Гродековъ пригласилъ этого чиновника къ себѣ съ утра и продер-

жалъ его, давая ему непрерывно работу, до глубокой ночи. Видя, что чиновникъ волнуется, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, Николай Ивановичъ разспросилъ, что такъ волнуется г-нъ И. Получивъ отвѣтъ, что боится, какъ бы его молодая супруга, чрезвычайно ревнивая, не заподозрѣла, что онъ провелъ цѣлый день не у губернатора, а въ какомъ-либо болѣе пріятномъ мѣстѣ, Гродековъ самъ нарвалъ цвѣтовъ и съ букетомъ для ревнивой супруги отпустилъ И. далеко за полночь домой. Дѣйствительно, г-на И. дома ожидала записка жены, въ которой она сообщала, что послѣ такого поведенія И. на другой день послѣ свадьбы жена его уѣзжаетъ къ своимъ родителямъ. Только вмѣшательство самого Николая Ивановича успокоило г-жу И.

Какъ только являлась какая-нибудь возможность выѣхать изъ дому, Николай Ивановичъ садился верхомъ и объѣзжалъ городъ или отправлялся въ ближайшія русскія селенія. Въ городѣ отъ зоркаго и опытнаго глаза Николая Ивановича не ускользали ни малѣйшіе беспорядки въ городскомъ хозяйствѣ и благоустройствѣ по нарушенію обязательныхъ постановленій или небрежность чиновъ полиціи въ несеніи ими обязанностей службы.

Не желая быть пассивнымъ и довѣрчивымъ слушателемъ не всегда точной передачи переводчиками туземной рѣчи, Николай Ивановичъ выучился мѣстнымъ языкамъ, и этого знанія сталъ требовать отъ всѣхъ чиновъ администраціи, настаивая на сознательномъ усвоеніи ими языка, быта, вѣрваній туземнаго населенія, чтобы быть ближе къ послѣднему и понимать его нужды и желанія. Это знаніе языка и быта туземцевъ принесло и самому Николаю Ивановичу огромную пользу, открыло ему воочию всѣ недостатки, несовершенства и злоупотребленія народныхъ судей (казіевъ и біевъ) при отправленіи суда среди туземцевъ.

Относясь къ самому институту народнаго суда съ большимъ уваженіемъ, Николай Ивановичъ считалъ, что всѣ указанная выше уклоненія отъ правосудія въ практикѣ народныхъ судей не вызываютъ вовсе необходимости въ какой-либо коренной ломкѣ самаго института, а требуютъ лишь надлежащаго надзора за судомъ чиновъ мѣстной администраціи, въ руководство которымъ для сознательнаго отправленія ими функцій надзора издалъ свои книги: «Юридическіе обычаи киргизъ и кара-киргизъ» и «Комментарій» мусульманскаго права «Хидая» ¹⁾. Издавая упомянутыя книги, Гродековъ завелъ обширную переписку съ знатоками мусульманскаго права и въ томъ числѣ профессорами Нофалемъ и барономъ Розеномъ, прося ихъ руководящихъ указаній, совѣтуясь въ вызы-

---

¹⁾ Обѣ эти полезныя книги, изданныя въ сотрудничествѣ съ упомянутымъ выше почтеннымъ мѣстнымъ дѣятелемъ Диваевымъ, стали въ настоящее время библиографической рѣдкостью, а потому крайне желательно второе ихъ изданіе.

вавшихъ его сомнѣніе вопросахъ, желая, какъ всегда, сдѣлать интересное его дѣло, какъ слѣдуетъ, основательно и авторитетно.

Большое вниманіе, по словамъ туркестанцевъ, Гродековъ удѣлялъ русскимъ и русско-туземнымъ школамъ, вникая въ успѣхи учащихся и быть учащихъ, нужды и интересы тѣхъ и другихъ, давая щедрыя пособія изъ своихъ средствъ школамъ.

Немало щедрыхъ даровъ отъ Гродекова получилъ и мѣстный музей въ Ташкентѣ. Самъ Николай Ивановичъ впоследствии жаловался, что музей въ то время находился въ не совѣтѣ надежныхъ рукахъ и многіе пожертвованные имъ предметы были утрачены, а рѣдкіе экземпляры рыбы «скуферинкусъ» были съѣдены завѣдывавшимъ музеемъ, въ видѣ закуски.

Самый большой, однако, интересъ и особую, прямо поразительную личную энергію и дѣятельность Николай Ивановичъ Гродековъ выказывалъ въ дѣлѣ устройства русскихъ переселенцевъ въ Сыръ-Дарьинской области. До Гродекова въ предѣлахъ Сыръ-Дарьинской области было всего два русскихъ селенія въ окрестностяхъ Ташкента. Въ интересахъ болѣе прочнаго закрѣпленія края за имперіей, обезпеченія безопасности для столицы края—Ташкента—отъ возможныхъ вспышекъ фанатизма мусульманскаго населенія разобщеніемъ туземнаго населенія города, Гродековъ находилъ необходимымъ создать вокругъ Ташкента кольцо изъ русскихъ селеній. По его мнѣнію, эти селенія могли внести и начала культуры въ среду кочевниковъ, пріохотить ихъ къ земледѣлію и осѣлости. Послѣдствія блестяще оправдали задуманное и осуществленное Гродековымъ. Гродекову удалось создать въ Ташкентскомъ и Чимкентскомъ уѣздахъ за двухлѣтній періодъ времени около пятидесяти русскихъ селеній съ населеніемъ въ восемнадцать тысячъ душъ обоого пола. Въ этомъ дѣлѣ Николай Ивановичъ особенно ярко проявилъ свои качества: энергію, настойчивость, ясный умъ, пониманіе нуждъ земледѣльца. Много заботъ и горя принесло ему это великое и святое русское государственное дѣло; тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, относившійся съ предубѣжденіемъ ко всякимъ переселеніямъ крестьянъ изъ внутренней Россіи на окраины, узнавъ, что Гродековъ въ голодный 1891 годъ ведетъ такую агитацію среди населенія въ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерніяхъ, призывая крестьянъ перебираться въ далекій Туркестанъ, пожаловался военному министру, прося принять мѣры къ прекращенію вредной дѣятельности неугомоннаго губернатора. Но было уже поздно: тысячи семействъ потянулись въ далекій Туркестанъ. Здѣсь Николай Ивановичъ дѣлалъ нечеловѣческія усилія, чтобы приготовить для новоселовъ самыя благопріятныя условія для жизни и экономическаго ихъ благосостоянія, для удовлетворенія ихъ религіозныхъ

и вообще духовныхъ нуждъ. Досталось тогда и сотрудникамъ Гродекова, на долю которыхъ выпало также немало труда, волненій и огорченій. Николай Ивановичъ лично познакомился съ каждой переселившейся семьей, ея будущимъ участкомъ, добывалъ средства на обезпеченіе новоселовъ необходимымъ инвентаремъ, приобрѣталъ на свои личные средства племенной скоть, плодовые саженцы, старался выучить и приохотить переселенцевъ къ веденію интенсивнаго, культурнаго хозяйства, хлопководству. Самъ Николай Ивановичъ говорилъ, что онъ лишь по капризу судьбы—администраторъ и государственный дѣятель, а по призванію—садовникъ и огородникъ, и это призваніе и знанія его въ области сельскаго хозяйства много помогли Гродекову въ устройствѣ переселенцевъ.

Изыскивая всюду источники для помощи переселенцамъ на домообзаводство, рабочій инвентарь, Николай Ивановичъ не забывалъ и религіозныхъ ихъ потребностей и нуждъ, выпрашивалъ, гдѣ возможно, средства на созиданіе православныхъ храмовъ въ образованныхъ имъ, на свой страхъ и рискъ, селеніяхъ, одаривалъ новыя церкви облаченіями, церковной утварью. И вотъ великіе труды Николая Ивановича дали блестящіе результаты, которые ему удалось и увидать потомъ самому, по приѣздѣ его въ край уже въ качествѣ генераль-губернатора. За тринадцать лѣтъ отсутствія Гродекова изъ Ташкента созданныя имъ селенія не только экономически окрѣпли, но разбогатѣли, расширились, стали заниматься промышленнымъ садоводствомъ, огородничествомъ, племеннымъ скотоводствомъ, радуя сердце ихъ устроителя и благодѣтеля.

Въ 1892 году въ области появилась холера. Благодаря энергіи Гродекова и несмотря на благопріятныя, казалось, условія, она унесла немного жертвъ и вскорѣ погасла, но для Гродекова она имѣла тяжелыя послѣдствія. Вслѣдствіе вражды двухъ партій въ туземной части города Ташкента, одной, стоявшей за смѣненнаго Гродековымъ аксакала, большого проходимца, но вліятельнаго, благодаря своему богатству и прежнему служебному положенію человека, и другой, стоявшей за назначеннаго Гродековымъ замѣстителемъ этого аксакала, вспыхнули беспорядки. Интриганы сумѣли возбудить неудовольствіе въ народныхъ массахъ туземнаго города противъ принятыхъ санитарныхъ мѣръ для борьбы съ холерой. Толпа буяновъ 24-го іюня 1892 года окружила зданіе управленія начальника города Ташкента, требуя выдачи новаго аксакала, затѣмъ избива камнями начальника города, полковника С. Р. Путьинцева, разгромила полицейское управленіе.

Тогда Гродековъ, зная характеръ туземцевъ и считая, что надо дѣйствовать энергично, чтобы тотчасъ же прекратить беспорядки и не давать имъ принять угрожающіе размѣры, немедленно съ горстью нижнихъ чиновъ вошелъ въ городъ и, встрѣченный на

базаръ многочисленной толпой, отвѣтившей грозными криками на приказаніе разойтись, велѣлъ открыть огонь, чѣмъ и заставилъ толпу разбѣжаться, оставивъ на мѣстѣ около десяти человекъ раненыхъ.

Главные виновники холерныхъ беспорядковъ были преданы военному суду. При разсмотрѣніи дѣла судъ по отрывочнымъ показаніямъ свидѣтелей составилъ себѣ не вполне правильное представленіе о событіяхъ 24-го іюня, найдя въ дѣятельности областной администраціи признаки превышенія и бездѣйствія власти, которыя всегда можно отыскать въ дѣятельности любого администратора, обязаннаго считаться иногда съ требованіями даннаго момента; составлено было особое постановленіе, которое повлекло для Николая Ивановича отстраненіе отъ должности губернатора и прикомандированіе въ распоряженіе военного министра. Приѣхавъ въ Петроградъ, Гродековъ доложилъ дѣйствительное положеніе дѣла и обстоятельства, вынудившія его принять тѣ мѣры при подавленіи беспорядковъ, которыя вызвали постановленіе суда. Вскорѣ же послѣ этого послѣдовало назначеніе Гродекова помощникомъ пріамурскаго генераль-губернатора и командующаго войсками Пріамурскаго округа.

Въ новомъ для него краѣ Николай Ивановичъ проявилъ тѣ же выдающіяся административныя способности, занимался дѣломъ широкой русской колонизаціи далекаго края. Будучи назначенъ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками Пріамурскаго округа, Николай Ивановичъ во время подавленія боксерскаго движенія, угрожавшаго безопасности нашего Пріамурья, былъ облеченъ званіемъ главнокомандующаго и сумѣлъ правильнымъ, цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ отрядовъ и ясно поставленной послѣднимъ цѣли очень быстро подавить боксерское движеніе въ Сѣверной Манчжуріи и очистить ее отъ мятежниковъ. Послѣдующая японская война воочію должна была убѣдить, что славныя пріамурскія и квантунскія войска, обученныя подъ руководствомъ Гродекова, исключительнымъ мужествомъ и выносливостью обратившія на себя вниманіе, дѣйствительно воспитаны были ихъ старымъ командующимъ войсками надлежащимъ образомъ и не уронили былой славы нашей арміи.

30-го августа 1902 года Николай Ивановичъ былъ назначенъ въ Государственный Совѣтъ. Въ февралѣ 1906 года Гродековъ былъ призванъ на отвѣтственный и требовавшій чрезвычайно напряженной работы постъ главнокомандующаго войсками на Дальнемъ Востокѣ, для ликвидаціи тыла арміи и приведенія ея на мирное положеніе, отправленія въ Россію какъ запасныхъ, такъ и частей войскъ.

Еще на Дальнемъ Востокѣ Гродековъ получилъ предложеніе занять освободившійся послѣ ухода Субботича постъ туркестан-

скаго генераль-губернатора и командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа, но Николай Ивановичъ долго колебался принять это назначеніе: крайнее утомленіе, вызванное его трудами по выполненію Высочайшей воли по расформированію арміи и обострившаяся вслѣдствіе этого его хроническая болѣзнь почекъ—вынудили его всеподданнѣйше доложить Государю, что онъ не считаетъ возможнымъ принять отвѣтственный постъ генераль-губернатора въ Туркестанѣ, такъ какъ считаетъ, что у него въ настоящее время нѣтъ уже прежнихъ силъ и энергіи для выполненія Высочайшихъ указаній по управленію этимъ краемъ. Однако кратковременный отдыхъ и успѣшное леченіе склонили его, по настойчивому, повторенному предложенію къ принятію должности генераль-губернатора, хотя на короткій срокъ, и 15-го декабря послѣдовалъ Высочайшій указъ о его назначеніи въ Туркестанъ.

II.

Встрѣча новаго генераль-губернатора.—Взглядъ Гродекова на переселенческое дѣло.—Положеніе Туркестанскаго края въ концѣ 1906 года.—Перемѣны въ личномъ составѣ.—Борьба съ революціоннымъ движеніемъ.—Реорганизация переселенческаго дѣла.—Тренія съ главнымъ управленіемъ земледѣлія по переселенческому вопросу.—Приемъ у генераль-губернатора, рабочій его день.—Заботы о разныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ.—Памятникъ Кауфману—Отношеніе къ Хивѣ и Бухарѣ.—Взглядъ Гродекова на военно-народное управленіе.—Уходъ Николая Ивановича изъ Туркестана.—Память о немъ среди русскаго населенія, особенно отставныхъ ветерановъ, поселившихся въ краѣ.

Помнится, что на второй день Рождества я, какъ управляющій канцеляріей туркестанскаго генераль-губернатора, получилъ телеграмму отъ новаго главнаго начальника края о встрѣчѣ его въ городѣ Казалинскѣ 2-го января 1907 года, вмѣстѣ съ сырь-дарьинскимъ губернаторомъ М. Я. Романовымъ.

Не скрою, что я выѣзжалъ съ тревожнымъ чувствомъ встрѣчать Гродекова. Отъ генерала Мацѣвскаго, временно исполнявшаго должность генераль-губернатора, долго служившаго съ Гродековымъ въ Пріамурѣ и не поладившаго тамъ съ нимъ до того, что пришлось ему, генералу Мацѣвскому, спѣшно озаботиться о переводѣ, я слышалъ много о суровости и грубости Гродекова, неожиданныхъ перемѣнахъ въ его настроеніи, придирчивости и т. п. качествахъ, далеко непріятныхъ въ начальникѣ. Дорогой я рѣшилъ уже, если слова генерала Мацѣвскаго, которому я имѣлъ основаніе, однако, не вполне довѣрять, оправдаются, оставить свою должность, несмотря на горячую любовь мою къ Туркестанскому краю и желаніе служеніемъ ему принести посильную пользу его дальнѣйшему преуспѣянію. Мой спутникъ, сподвижникъ Гродекова, бывшій его начальникъ штаба, генералъ Романовъ, успокаивалъ меня, рисуя Гродекова не такимъ, какъ описывалъ его ге-

пералъ Маѣвскій, и утверждалъ, что Николай Ивановичъ—человѣкъ исключительной справедливости, большой джентльменъ и отъ подчиненныхъ требуетъ лишь трудолюбія, знанія дѣла и честности, ни протекцій, ни женскаго или иного вліянія для него не существуетъ. Характеристика Романова оправдалась вполне при ближайшемъ знакомствѣ съ Николаемъ Ивановичемъ.

Между тѣмъ, бояться нервнаго настроенія Гродекова имѣлись большія основанія: передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ изъ Ташкента въ одномъ изъ стрѣлковыхъ батальоновъ были революціонерами похищены два пулемета, настроеніе въ войскахъ было самое тревожное, доходившее до открытаго проявленія неповиновенія, власти проявляли большую растерянность при дерзкихъ выступленіяхъ революціонеровъ, обѣ желѣзныя дороги, соединявшія Туркестанъ съ Россіей, находились въ полной власти желѣзно-дорожнаго союза и т. п.

Какъ теперь помню, при сильной снѣжной метели, какія бываютъ въ сѣверной части Сыръ-Дарьинской области, подошелъ къ дебаркадеру станціи Казалинскъ поѣздъ съ новымъ начальникомъ края.

Въ поѣздѣ, кромѣ Гродекова и взятаго имъ изъ Россіи личнаго адъютанта (штабсъ-капитана Гриневича), бывшаго адъютанта героя Портъ-Артура Р. И. Кондратенка, находились: военный губернаторъ генералъ Романовъ, встрѣтившій генералъ-губернатора на границѣ области на станціи Саксаульской, мѣстный начальникъ уѣзда, переводчикъ генералъ-губернатора Диваевъ, о которомъ я упомянулъ выше, и нѣсколько человѣкъ почетныхъ киргизовъ, нетерпѣливо желавшихъ скорѣе повидать своего бывшаго любимаго губернатора и выѣзжавшихъ для этого въ Оренбургъ. Гродековъ, въ виду поздняго времени, вышелъ на станцію лишь для пріема представляющихся и депутацій отъ города, туземнаго населенія и уральскихъ казаковъ. Я представился ему въ вагонѣ. Предо мною стоялъ благообразный на видъ, строгій старикъ съ пронизательно смотрящими изъ-подъ очковъ умными, полными живого огня глазами.

Гродековъ быстро оглядѣлъ меня и спросилъ, почему я не остался въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, и, повидимому, остался доволенъ моимъ объясненіемъ. Затѣмъ онъ пригласилъ командира 1-го армейскаго корпуса генерала Шницберга, генерала Романова, сыръ-дарьинскаго губернатора и меня обѣдать. Передъ обѣдомъ Гродековъ очень рѣзко выговаривалъ генералу Шницбергу, что онъ въ такую минуту, когда особенно важно было присутствіе его въ Ташкентѣ, вздумалъ выѣзжать ему навстрѣчу, тогда какъ онъ, Гродековъ, опредѣленно указалъ на тѣхъ лицъ, которыхъ онъ нашелъ необходимымъ вызвать къ себѣ изъ Ташкента. За обѣдомъ Гродековъ оказался радушнымъ хозяиномъ, но малоразговорчивымъ. Послѣ обѣда, до глубокой ночи, Гродековъ оставилъ меня и потребовалъ доклада по наиболѣе важнымъ вопросамъ краевого

управленія, показывая глубокое знаніе и широкое поннманіе многихъ вопросовъ, затрагивавшихся при моемъ докладѣ. На мой вопросъ, находить ли онъ возможнымъ продолжать такое же энергичное водвореніе русскихъ переселенцевъ въ Туркестанскій край, какое онъ осуществлялъ, будучи губернаторомъ, Николай Ивановичъ отвѣтилъ, что, несомнѣнно, заселеніе русскими, и не только земледѣльцами, но и ремесленниками, Туркестана—вопросъ первостепенной государственной важности, но рѣшать его теперь, при совершенно измѣнившихся по сравненію съ прежними условіяхъ жизни края такъ, какъ дѣлалось это раньше, нельзя. Прежде было достаточно количество орошенныхъ земель въ пользованіи киргизовъ, и можно было безъ особаго ущерба для туземнаго населенія отбирать эти земли, тѣмъ болѣе, что тогда лишь ничтожный процентъ киргизскаго населенія занимался земледѣліемъ, теперь же, какъ онъ читалъ и видитъ самъ, процентъ осѣданія киргизовъ на землѣ принялъ такіе размѣры, что большинство киргизовъ надо признать земледѣльцами; кромѣ того, самое населеніе значительно увеличилось, слѣдовательно, свободныхъ, орошенныхъ земель или совѣмъ нѣтъ, или такое осталось ничтожное ихъ количество, что о широкомъ переселеніи на нихъ не можетъ быть и рѣчи. По мнѣнію Гродекова, для переселенія надо орошать новыя земли, какихъ въ Туркестанѣ осталось еще достаточно количество, но не слѣдуетъ отнимать у туземнаго населенія его личнымъ трудомъ орошенныя земли и возбуждать тѣмъ недовольство противъ нашего управленія, недовольство тѣмъ болѣе нежелательное, что туземное населеніе составляло болѣе девяноста процентовъ, представляя сплошную, однородную, не въ смыслѣ этнографическомъ, а въ смыслѣ вѣрованія и обычаевъ, массу. На станціяхъ отъ вниманія Гродекова не ускользнули огромные запасы саксаула, съ которымъ тянулись по степи безконечныя караваны верблюдовъ. Оказалось, что не только паровозы, но и всѣ станціонныя зданія отапливались саксауломъ, и отъ прежнихъ саксауловыхъ лѣсовъ, охранявшихъ край отъ грознаго нашествія песковъ пустыни, сохранились лишь жалкіе остатки. Немедленно же мною, по приказанію Гродекова, составлено было сношеніе съ начальниками обѣихъ мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ (Сырѣ-Дарьинской и Ташкентской) для выясненія вопроса о возможности замѣны саксаула минеральнымъ топливомъ.

На тѣхъ станціяхъ, близъ которыхъ были русскія селенія, Гродекова выходило встрѣчать сплошь все населеніе обоихъ половъ, взрослые и дѣти. Надо было видѣть, какъ трогательны были эти встрѣчи. Николай Ивановичъ помнилъ многихъ крестьянъ по фамиліямъ, даже зналъ семейныя отношенія, поражая своей феноменальной памятью; вообще не краснорѣчивый, онъ умѣлъ говорить съ простымъ народомъ на понятномъ послѣднему языкѣ и такъ просто, тепло, сердечно, находя сказать каждому слово одобренія,

дать мудрые хозяйственные и вообще дѣловые совѣты. На одной изъ станцій, близъ Ташкента, крестьяне нѣсколькихъ окрестныхъ селеній поднесли Гродекову иконы, и одинъ изъ ихъ среды такъ мѣтко и душевно представилъ всю дѣятельность Николая Ивановича по созданію ихъ поселковъ, что рѣчь эта могла служить для Гродекова лучшей наградой, какъ дѣйствительно вѣрная оцѣнка его великаго подвига по созиданію русскихъ культурныхъ уголковъ среди пустынь Туркестана, окруженныхъ еще полудикимъ населеніемъ.

Въ Ташкентѣ Гродекова ждала огромная, изо дня въ день текущая работа по управленію обширнымъ, еще далеко не устроеннымъ краемъ въ эпоху еще не улегшагося революціоннаго броженія, когда жизнь главнаго начальника почти непрестанно находилась въ опасности.

Такія революціонныя выступленія, какъ убійство генерала Ульянина, ограбленіе самаркандской желѣзнодорожной станціи, ограбленіе чарджуйскаго казначейства, напряженный трудъ по созиданію противодѣйствія ничѣмъ раньше до Гродекова не сдерживаемой работѣ мѣстнаго краевого революціоннаго комитета, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ талантливыхъ революціонеровъ, бывший студентъ томскаго университета Сергѣй Мароховъ, или, по революціонной кличкѣ, Сергѣй-офицеръ, казненный по приговору суда во время управленія краемъ генераль-адъютантомъ Мищенко.

Личный составъ лицъ, стоявшихъ во главѣ областей Туркестанскаго края, былъ въ то время очень неудовлетворительный: одинъ изъ губернаторовъ считался завѣдомымъ алкоголикомъ, другой подпалъ совершенно подъ вліяніе своего свойственника, не только человека революціонныхъ убѣжденій, но, повидимому, находившагося въ составѣ социаль-революціонной партіи, третій былъ недостаточно дѣятельный и въ управленіи войсками и областью проявлялъ полную безпечность и слабость, доходившую до потворства; только въ Ферганской области царило относительное спокойствіе, благодаря твердымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ тогдашняго губернатора.

Такимъ образомъ, составъ ближайшихъ сотрудниковъ Гродекова на мѣстахъ, въ областяхъ требовалъ скорѣйшей перемѣны въ интересахъ дѣла, съ этого и надо было начинать свою дѣятельность новому генераль-губернатору. Но извѣстно, какъ трудно у насъ въ Россіи удалить плохого администратора, особенно если онъ занимаетъ важный постъ; сейчасъ же являются соображенія жалости къ почтенному сановнику, у него являются вліятельные заступники, затѣвается безконечная переписка, высказывается неудовольствіе за излишнее придирчивое отношеніе и т. п. Такъ произошло съ Гродековымъ. Больше всего огорченій и непріятностей онъ пере-

жилъ съ перемѣнами высшихъ чиновъ въ составѣ областныхъ управленій, создавъ себѣ много непримиримыхъ враговъ.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Ташкентъ Николай Ивановичъ вызвалъ меня однажды къ себѣ поздно вечеромъ и сказалъ, что не считаетъ возможнымъ скрыть отъ меня, такъ какъ привыкъ дѣйствовать всегда открыто, безъ лицемѣрія, что передъ прїѣздомъ въ Туркестанъ уговорился со своимъ бывшимъ сотрудникомъ по управленію Пріамурскимъ краемъ, почтеннымъ г. Щ., о предоставленіи ему должности управляющаго канцеляріей, если при ближайшемъ знакомствѣ со мною я окажусь не соответствующимъ; но теперь, такъ какъ я выдержалъ испытаніе и оказался, по мнѣнію Николая Ивановича, вполне подходящимъ сотрудникомъ, онъ не желаетъ и по совѣсти не можетъ желать лучшаго, почему и проситъ меня остаться управляющимъ канцеляріей, а Щ. напишетъ о положеніи дѣла. При этомъ Гродековъ высказалъ мнѣ свой руководящій взглядъ на мѣну подчиненныхъ служащихъ при назначеніи новыхъ начальствующихъ лицъ; онъ чрезвычайно осуждалъ такую мѣру, если она основана на желаніи новаго начальника окружить себя своими лицами, находя, что отъ этого чрезвычайно страдаетъ самое дѣло управленія, такъ какъ иногда лица опытные и вообще достойныя смѣняются негодными или просто даже худшими новичками въ краѣ, которымъ надо употреблять много времени для ознакомленія съ новыми дѣлами, новыми условіями службы и т. п. Кромѣ того, вокругъ начальника создается средостѣніе изъ близкихъ, а иногда и родственныхъ ему лицъ, которыя стараются скрывать отъ него различныя непріятности; не находясь сами въ кругу мѣстныхъ интересовъ, они не въ силахъ бываютъ и генераль-губернатора держать въ курсѣ послѣднихъ и т. п.

Исходя изъ этого взгляда, даже своего личного адъютанта, доставшагося ему по наслѣдству отъ предмѣстника по должности, Гродековъ долго терпѣлъ, несмотря на отрицательныя нравственныя и служебныя его свойства, и лишь при явно обнаружившейся его недоброкачественности удалилъ. Во время моей службы при Николаѣ Ивановичѣ я убѣдился, что для него, какъ мнѣ говорили знавшіе его по прежней службѣ, не существуетъ ни протекцій, ни какого-либо вообще посторонняго вліянія при оцѣнкѣ сотрудниковъ, подчиненныхъ, а мѣриломъ его благоволенія служатъ ихъ личныя качества, служебныя и нравственныя.

Тяжелое бремя управленія принялъ на себя Николай Ивановичъ съ должностью главнаго начальника Туркестанскаго края; по постановленію центрального комитета социаль-революціонной партіи, рѣшено было въ интересахъ партійнаго дѣла обратить особое вниманіе на агитаціонную дѣятельность партій на окраинахъ и въ частности въ Туркестанѣ.

Комитетъ находилъ, что условія дѣятельности партійныхъ работниковъ въ Туркестанѣ особо благопріятны: ничтожный и неудовлетворительный составъ городской полиціи, полное отсутствіе уѣздной, неудовлетворительное экономическое положеніе служащихъ на окраинныхъ желѣзныхъ дорогахъ и неблагонадежный составъ ихъ, давшій возможность организовать ихъ въ желѣзнодорожный союзъ, захватившій цѣликомъ въ свои руки обѣ желѣзныя дороги: Ташкентскую и Средне-Азіатскую; наконецъ, неудовлетворительный составъ высшихъ чиновъ, поставленныхъ на отвѣтственные посты военныхъ губернаторовъ.

Уже при Гродековѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ дерзкихъ выступленій революціонеровъ: ко дню его пріѣзда на границы края изъ воинской части въ Ташкентѣ, какъ упомянуто выше, были похищены пулеметы, затѣмъ совершенно дерзкое нападеніе на станцію Самаркандъ, охранявшуюся воинскомъ карауломъ, такое же нападеніе на чарджуйское казначейство, съ похищеніемъ на партійныя нужды болѣе четырехсотъ тысячъ, убійство начальника Средне-Азіатской дороги генерала Ульянина. Въ одномъ изъ областныхъ городовъ, на глазахъ губернатора, толпа учащейся молодежи съ красными флагами, пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ провожала отъѣзжавшаго члена Государственной Думы и, съ разрѣшенія губернатора, войсковой казачій хоръ сопровождалъ эту процессію по улицамъ города, играя похоронный маршъ «самодержавію». По словамъ губернатора, все это было устроено однимъ изъ политическихъ ссыльныхъ, котораго губернаторъ, однако, не считалъ себя въ правѣ арестовать.

Въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ слѣдовалъ рядъ безпорядковъ. Господа губернаторы обнаруживали полное незнакомство не только съ партійными платформами социаль-революціонеровъ, социаль-демократовъ, путая эти партіи одну съ другой, но и просто съ тѣмъ, какія именно партіи являются противоправительственными и преслѣдуютъ дѣятельность революціонную и какія допускаются правительствомъ. Одинъ изъ губернаторовъ обратился къ главному начальнику края, прося его о высылкѣ помощника присяжнаго повѣреннаго, которому инкриминировалось участіе во всѣхъ противоправительственныхъ партіяхъ. Требовалась, ввиду описаннаго положенія вещей въ краѣ, усиленная энергія и напряженная работа со стороны генераль-губернатора, чтобы, несмотря на неблагопріятныя условія по борьбѣ съ дѣятельностью революціонныхъ организацій, ликвидировать смуту и водворить порядокъ. Дѣйствительно, съ этой задачей Николай Ивановичъ Гродековъ въ концѣ концовъ блестяще справился: ко дню его отъѣзда изъ края революціонное движеніе было подавлено, главари движенія арестованы, преданы суду, а часть вредныхъ, неблагонадежныхъ партійныхъ работниковъ выселена изъ края. Поступая твердо и неуклонно,

приводя въ исполненіе задуманное по успокоенію края, Гродековъ никогда не былъ жестокимъ человѣкомъ и всегда стремился поступать хотя и рѣшительно, но справедливо и законно, не допуская никакихъ эксцессовъ со стороны власти. Когда къ нему обратились съ настойчивымъ требованіемъ выслать изъ края сразу болѣе двухсотъ служащихъ на желѣзной дорогѣ и удостовѣрили, что безъ этой мѣры нельзя вырвать краевыя желѣзныя дороги изъ рукъ революціоннаго союза, слагая, въ случаѣ непринятія этой мѣры, отвѣтственность на генераль-губернатора, Гродековъ потребовалъ самаго подробнаго изслѣдованія вины каждаго изъ назначенныхъ къ высылкѣ. Не удовлетворяясь представленными свѣдѣніями, сбивчивыми, неточными и совершенно произвольными, онъ, не боясь взять на себя окончательное рѣшеніе и примѣнить такую исключительную мѣру, если бы была доказана необходимость и основательность ея въ примѣненіи къ каждому, отказалъ, послѣ тщательнаго обсужденія этого вопроса въ особомъ совѣщаніи, въ высылкѣ, несмотря и на настояніе изъ Петербурга, ограничивъ высылку лишь нѣсколькими дѣйствительно вредными агитаторами. Осторожность Гродекова въ этомъ дѣлѣ оказалась впоследствии вполне цѣлесообразной.

По мысли Гродекова, дѣло политическаго розыска было организовано и поставлено вмѣстѣ съ тѣмъ въ зависимость непосредственную отъ генераль-губернатора, а не департамента полиціи, такъ какъ Гродековъ (какъ и послѣдній министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ) находилъ, что въ рукахъ мѣстной власти должны быть сосредоточены все органы полиціи, какъ внѣшней, такъ и политической, безраздѣльно.

Не могу при этомъ не упомянуть, что враги Николая Ивановича распространили слухи, что Гродековъ, боясь покушеній на его жизнь, испугался и никуда изъ генераль-губернаторскаго дома не выходилъ. Удостовѣряю, что это гнусная ложь, въ дѣйствительности Николай Ивановичъ, такъ доказавшій свое беззащитное мужество и храбрость прежней своей боевой службой и дѣятельностью, стяжавшій признаніе своей храбрости со стороны нашего незабвеннаго героя М. Д. Скобелева, никогда не цѣнилъ своей жизни, и чувство страха было ему совершенно чуждо. Зная, что на его жизнь дѣйствительно готовился рядъ покушеній, Николай Ивановичъ, когда ему приходилось выѣзжать изъ дома, не скрывалъ этого, никогда не бралъ конвоя, не окружалъ себя агентами охраны, ѣздилъ въ открытомъ экипажѣ, выходилъ же Николай Ивановичъ изъ дома рѣдко вслѣдствіе мучившей его и обострившейся въ Туркестанѣ его хронической болѣзни почекъ.

Вскорѣ по приѣздѣ въ Туркестанъ Гродековъ проявилъ самое живое отношеніе къ правильной и широкой постановкѣ переселенческаго дѣла. Особенно озабочивало Гродекова отсутствіе

въ дѣятельности чиновъ переселенческаго управленія руководящей программы, разрозненность, несогласованность ихъ дѣйствій, противорѣчіе ихъ съ дѣйствующимъ закономъ.

Гродековъ для парализованія описанныхъ недостатковъ призналъ необходимымъ домогаться объединенія дѣятельности чиновъ переселенческаго управленія въ лицѣ начальника мѣстнаго управленія земледѣлія. Затѣмъ Гродекову пришлось обратить вниманіе также на неполное соотвѣтствіе личнаго состава названнаго управленія. У одного завѣдывающаго переселенческимъ дѣломъ замѣчалась крайняя медленность въ устройствѣ переселенцевъ, отводѣ имъ участковъ и т. п. Несмотря на всѣ усилія и обычную для Гродекова настойчивость, особенно въ такомъ неизмѣнно близкомъ его сердцу дѣлѣ, какъ водвореніе русскихъ земледѣльцевъ въ Туркестанѣ, этотъ чиновникъ тянулъ безконечную канитель, не могъ наладить дѣла орошенія отводимаго для переселенцевъ участка и т. п., и созданіе одного изъ поселковъ затянулось на цѣлыхъ почти три года; впослѣдствіи были найдены денежныя злоупотребленія въ управленіи этого чиновника, а также неудачный имъ выборъ подчиненныхъ, одного изъ которыхъ, какъ несомнѣнно партійнаго чловека, Гродековъ опротестовалъ. Пришлось просить о смѣнѣ этого лица, что и удалось, но лишь послѣ долгой переписки.

Другой чинъ того же управленія умѣлъ чрезвычайно преувеличивать успѣхи своей дѣятельности на бумагѣ и доносилъ въ Петроградъ, чтобы оправдать неудачные результаты своей работы, что его дѣятельность встрѣчаетъ препятствіе со стороны мѣстныхъ властей, съ генераль-губернаторомъ во главѣ; онъ же, вопреки закона, захватывалъ не только орошенныя самими киргизами земли, но и усадебныя ихъ участки и т. п. Однако Гродекова трудно было провести въ такомъ дѣлѣ, опытный его глазъ, какъ стараго землеустроителя и неутомимаго колонизатора, сразу же установилъ фальшь въ дѣятельности этого чиновника; началась переписка съ Петроградомъ, гдѣ упорно отстаивали своего агента, которому безгранично довѣряли. Трение между генераль-губернаторомъ и Петроградомъ по этому вопросу ужасно огорчало главнаго начальника края, который видѣлъ свое безсиліе даже въ такомъ, по существу, небольшомъ дѣлѣ. Только недавно, спустя 6 лѣтъ послѣ оставленія Гродековымъ края, когда самъ начальникъ переселенческаго управленія на мѣстѣ обревизовалъ дѣятельность этого чиновника, послѣдній наконецъ былъ отозванъ изъ Туркестана и замѣненъ дѣйствительно выдающимся по энергіи, честнымъ работникомъ. Но спрашивается, насколько такое недовѣріе къ ходатайству главнаго начальника и оставленіе на многіе годы столь важнаго для Туркестана дѣла, какъ водвореніе русскихъ переселенцевъ, въ рукахъ несоотвѣтствующаго правительственнаго агента повредило успѣху этого дѣла и, наконецъ, дискредитировало авторитетъ ге-

нераль-губернатора? Вѣроятно, этому же дѣятелю Гродековъ былъ отчасти обязанъ распущеннымъ въ Петроградѣ слухомъ, что онъ впалъ въ дѣтство, что его разбилъ параличъ и т. п., благо за нѣсколь-ко тысячъ верстъ отъ Петрограда можно рассказывать все что угодно о туркестанскихъ дѣлахъ и, чѣмъ хуже, тѣмъ больше будетъ охотниковъ этому вѣрить.

Такимъ образомъ, въ Петроградѣ создалась легенда о томъ, что краемъ управляетъ не генераль-губернаторъ, а его управляющій канцеляріей, причѣмъ меня изображали не только мусульманиномъ (что легко было сдѣлать ввиду моей фамиліи, хотя натурализовавшейся въ Россіи со времени великаго князя Василя Темнаго), но и явнымъ сепаратистомъ, стремящимся повредить дѣлу русской колонизаціи ради интересовъ туземнаго населенія.

Главное управленіе земледѣлія, въ лицѣ тогдашняго главноуправляющаго, не только относилось критически ко всѣмъ представленіямъ Гродекова, но дошло до того, что 26-го декабря 1907 года Гродекову послана была чрезвычайно дерзкая, вызывающая телеграмма, въ которой въ юмористической формѣ предлагалось выселить всѣхъ русскихъ переселенцевъ изъ края и навсегда закрыть силою оружія доступъ въ него русскимъ людямъ. Эта телеграмма чрезвычайно оскорбила генераль-губернатора. Впослѣдствіи, въ лицѣ нынѣшняго главноуправляющаго земледѣліемъ, почтеннѣйшаго А. В. Кривошеина, дѣйствительно энергично проводящаго различныя продуманныя и вполне практическія мѣропріятія по широкому населенію Туркестана, путемъ орошенія новыхъ огромныхъ пространствъ свободной государственной земли, путемъ устройства, въ земельномъ отношеніи, коренного туземнаго населенія (вслѣдствіе чего выясняются излишки земель, находившихся въ пользованіи осѣвшихъ нынѣ, бывшихъ кочевниковъ), главное управленіе земледѣлія, въ основныхъ положеніяхъ, пришло именно къ тому взгляду на основы и задачи переселенческаго дѣла, который высказывалъ и Гродековъ. Съ чувствомъ полного нравственнаго удовлетворенія рассказывалъ онъ намъ, что, еще при покойномъ П. А. Столыпинѣ дѣятельность его по переселенческому вопросу была предметомъ сужденія Совѣта Министровъ, и Петръ Аркадьевичъ сказалъ Николаю Ивановичу, что Совѣтъ Министровъ призналъ его дѣятельность безупречной. Между тѣмъ въ то время почти всякая новая бумага изъ главнаго управленія земледѣлія приносила какое-либо огорченіе для генераль-губернатора или возбуждала какія-либо тренія.

Мы убѣждены, что именно эти неналадившіяся отношенія не только дѣйствовали угнетающимъ образомъ на Гродекова, подрывая въ конецъ его здоровье, но и привели его къ твердой рѣшимости просить государя объ отозваніи изъ края, такъ, по крайней мѣрѣ, высказывался иногда самъ Николай Ивановичъ.

Какою страшною и злой проніей представлялся упрекъ, брошенный Гродекову, что онъ, этотъ до мозга костей русскій государственный дѣятель, съ такой энергіей и любовью относившійся къ дѣлу водворенія русскаго населенія въ Туркестанѣ, якобы противо-дѣйствовалъ, какъ генераль-губернаторъ, широкому заселенію края русскими людьми! Выше мы упомянули, какъ Гродековъ, будучи губернаторомъ, предъявлялъ къ своимъ подчиненнымъ требованіе обстоятельнаго знакомства съ мѣстнымъ языкомъ, бытомъ и вѣрованіями туземцевъ; эти же требованія въ болѣе широкихъ размѣрахъ стали предъявлять онъ и какъ генераль-губернаторъ, выражая настойчивое пожеланіе, чтобы, въ виду особенностей края, населеннаго сплошнымъ мусульманскимъ населеніемъ (свыше 90 проц.), съ своеобразной культурой, объединеннаго во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни религіей Магомета, служащіе въ краѣ основательно были знакомы съ положеніемъ мусульманскаго вопроса и мѣстными языками. Проектъ закона по этому вопросу, однако, былъ въ Петроградѣ отвергнутъ.

Въ дни пріемовъ у генераль-губернатора просителей домъ его, при Гродековѣ, осаждался цѣлыми толпами русскихъ земледѣльцевъ, являвшихся или съ благодарностью къ своему любимому устроителю и благодѣтелю за всѣ его заботы и вниманіе, или добивающихся, съ глубокой вѣрою въ его справедливость, правды въ своихъ дѣлахъ, или новыхъ переселенцевъ, просящихъ объ отводѣ земли, зная, какъ по истинѣ о нихъ позаботится и горячо за ихъ интересъ постоитъ Николай Ивановичъ и своею настойчивостью, добьется удовлетворенія ихъ пожеланій, если къ тому представится кака-либо возможность.

Но не только дѣло водворенія въ краѣ порядка, улучшенія личнаго состава и выбора на соотвѣтственные мѣста лицъ, знакомыхъ съ мѣстными особенностями, а также переселенческое и землеустроительное дѣло пользовались вниманіемъ Гродекова, его широкой, просвѣщенный взглядъ государственнаго человѣка, и при томъ съ хорошей русской душой, знавшаго, какъ немногіе, край и всѣ его особенности, давалъ ему возможность возбудить и правильно освѣтить рядъ вопросовъ, направленныхъ на благо края, улучшеніе его управленія, подъемъ экономическихъ силъ населенія, увеличеніе доходовъ и уменьшеніе расходовъ фиска по Туркестану. Но я боюсь утомлять читателя подробнымъ перечнемъ всего, что сдѣлано было или начато было Гродековымъ въ различныхъ отрасляхъ управленія и жизни края экономической и духовной; о многомъ не настало еще время говорить, не прошла законная историческая давность. Упомяну лишь, что большинство законопроектовъ, получившихъ законодательную санкцію за послѣднія пять-шесть лѣтъ, носили на себѣ слѣды его работы, его мысли. Особенное вниманіе Николай Ивановичъ удѣлялъ всему тому, что имѣло просвѣтительное значе-

ніе для края лиц вело къ его благосостоянію, къ прочному закрѣпленію его за имперіей.

Съ самаго ранняго утра и оканчивая позднимъ вечеромъ, тянулся рабочій день Гродекова: иногда съ семи часовъ утра Николай Ивановичъ уже сидѣлъ за работой, обложенный докладами, справками, справочными книгами, законами. Онъ, какъ немногіе изъ нашихъ администраторовъ, былъ врагомъ произвола. Одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ Гродекова по управленію Пріамурскимъ краемъ рассказывалъ намъ очень характерный анекдотъ, какъ высоко цѣнилъ Николай Ивановичъ законность.

Разсказчикъ, назначенный со строевой должности на постъ губернатора, пришелъ къ Гродекову поблагодарить за назначеніе, какъ инициатора этого выбора, при чемъ просилъ Николая Ивановича дать ему руководящія указанія въ этой новой дѣятельности. Вообще малоразговорчивый, Николай Ивановичъ, молча выслушавъ благодарность и просьбу разсказчика, также молча отправился въ дальній уголъ кабинета, взялъ со стола какую-то очень солидную книгу и, принеся ее, сказалъ новому губернатору: «Вотъ куда чаще заглядывайте и тамъ ищите прежде всего указаній». Эта книга была «Сводомъ Законовъ Россійской Имперіи». Не надо думать, однако, чтобы Гродековъ былъ формалистомъ - законникомъ, такъ какъ вообще всякій бездушный формализмъ былъ чуждъ ему, человѣку пракческаго склада ума и большого жизненнаго, административнаго опыта.

Много средствъ Николай Ивановичъ употребилъ, какъ личныхъ своихъ, такъ и находившихся въ его распоряженіи по званію Генераль-губернатора, на развитіе просвѣтительныхъ учрежденій въ краѣ: туркестанскаго музея, туркестанской публичной бібліотеки, а также на созданіе будущей картинной галереи въ Ташкентѣ, которая должна была бы имѣть и поучительное, въ смыслѣ знакомства по историческимъ картинамъ съ великой эпопеей завоеванія нашего Туркестана, значеніе, и служила бы для развитія художественнаго вкуса на далекой окраинѣ. Для первой цѣли Гродековъ нашелъ средства къ командированію одного изъ мѣстныхъ художниковъ въ Петроградъ для снятія копій съ батальныхъ каразинскихъ картинъ, затѣмъ вошелъ въ переписку съ музеями, въ которыхъ хранятся верещагинскія картины изъ туркестанской жизни. Для второй цѣли онъ обратился къ академіи художествъ, прося выслать въ Ташкентъ нѣсколько картинъ и гипсовъ для будущей художественной галереи. Копіи съ каразинскихъ картинъ въ настоящее время находятся въ генераль-губернаторскомъ домѣ, копіи же съ верещагинскихъ картинъ такъ и не были сняты, въ виду отъѣзда Гродекова изъ Туркестана; академія художествъ прислала нѣсколько картинъ, но онѣ, къ сожалѣнію, не могли быть помѣщены въ старомъ, тѣсномъ зданіи музея и находятся въ разныхъ

мѣстахъ; идея же картинной галереи и новаго зданія музея до сихъ поръ такъ и осталась не осуществленной съ уходомъ изъ края ея инициатора.

При Гродековѣ расширена была значительно публичная библіотека пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ цѣнныхъ изданій и т. д.; но само главное, что сдѣлалъ Гродековъ для библіотеки, это изыскалъ средства на продолженіе полезнѣйшаго труда, начатаго Межовымъ при Кауфманѣ и прекратившагося при баронѣ Розенбахѣ, такъ называемаго Межовскаго сборника, заключавшаго въ себѣ все, что ни выходило въ свое время о Туркестанѣ въ періодической литературѣ.

Русскій по душѣ, Николай Ивановичъ горячо любилъ родное искусство во всѣхъ его проявленіяхъ, поддерживая его всеми имѣвшимися у него средствами. Въ послѣдніе годы онъ радовался замѣчаемому подъему національнаго чувства, развитію нашего самосознанія.

Что память устроителя и покорителя Туркестанскаго края К. П. фонъ-Кауфмана, Гродековъ, будучи назначенъ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ, испросилъ Высочайшее соизволеніе на открытіе всероссійской подписки на сооруженіе памятника Кауфману. Только благодаря Николаю Ивановичу Гродекову, поставленному во главѣ комитета по сбору пожертвованій, удалось собрать въ короткое время капиталъ въ 70.000 рублей на эту цѣль, и въ 1913 году открыть, памятникъ первому туркестанскому генераль-губернатору.

Николай Ивановичъ не только обладалъ обширными знаніями со туркестановѣдѣнію, исторіи, географіи, этнографіи сопредѣльныхъ странъ, но постоянно пополнялъ эти свѣдѣнія, не пропуская до самаго дня своей роковой болѣзни ни одной статьи, ни одной книги въ этой области. Знаніе сопредѣльныхъ странъ, основанное не только на широкомъ литературномъ знакомствѣ съ ними, но и личныхъ путешествіяхъ въ С. Афганистанъ и Персію, привело Гродекова къ идеѣ о Трансъ-индійской желѣзной дорогѣ. Эта идея очень занимала Николая Ивановича; намъ лично приходилось собирать, по порученію генераль-губернатора, немало различныхъ справокъ для основательнаго освѣщенія интересовавшей его идеи. Николай Ивановичъ находилъ, что проводить эту дорогу, имѣющую огромное торговое и политическое значеніе для всей имперіи и особенно для оживленія Закаспійской области, надо не черезъ Афганистанъ, какъ думали ранѣе, а черезъ Персію, которая вошла въ сферу нашего вліянія послѣ англо-русскаго соглашенія и гдѣ природа представляетъ меньше трудностей для такого сооруженія, а населеніе менѣе воинственное, болѣе дружелюбно къ намъ настроенное, чѣмъ въ Афганистанѣ. По мысли Гродекова, дорога должна была начинаться за нѣсколько станцій отъ Кушки,

Мервекской вѣтви Средне-Азіатской дороги, и входитъ въ предѣлы Индіи у гор. Нушки въ Белуджистанѣ.

Идея Гродекова нашла себѣ сочувственный откликъ въ англійскомъ парламентѣ. Намъ представляется избранное имъ направленіе болѣе отвѣчающимъ нашимъ экономическимъ и политическимъ интересамъ, чѣмъ направленіе отъ Джульфы съ нашей кавказско-персидской границы.

Въ отношеніяхъ къ ханствамъ Хивѣ и Бухарѣ Гродековъ придерживался мнѣнія о желательности сохраненія за этими ханствами правъ на самостоятельное существованіе, но признавалъ желательнымъ болѣе бдительный за ними контроль, преимущественно за продажнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хищнымъ туземнымъ чиновничествомъ, чтобы не допускать такой безсовѣстной эксплуатаціи имъ населенія, какая имѣла мѣсто до послѣдняго времени.

Съ управителями названныхъ ханствъ Гродековъ поддерживалъ отношенія дружественныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ полныя достоинства, соотвѣтствующаго его высокому положенію, какъ главнаго начальника края и высшаго на мѣстѣ представителя русской правительственной власти. Съ покойнымъ эмиромъ бухарскимъ его связывали болѣе интимныя отношенія, основанныя на болѣе близкомъ ихъ личномъ знакомствѣ, согрѣтыя со стороны эмира благодарнымъ чувствомъ къ Гродекову за ту поддержку, которую Николай Ивановичъ, исполняя временно обязанности туркестанскаго генералъ-губернатора, оказалъ эмиру послѣ смерти его отца эмира Музафа, при вступленіи его въ управленіе ханствомъ.

Покойный эмиръ, самъ человѣкъ большого ума, на цѣлую голову стоявшій выше окружавшихъ его, не только своихъ бухарскихъ министровъ, но и многихъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ, состоявшихъ при бухарскомъ правительствѣ, говорилъ намъ лично, что послѣ Кауфмана, какъ правителя Туркестана, онъ ставитъ Гродекова и по знанію послѣднимъ края, и по свойствамъ его ума и характера; при этомъ эмиръ утверждалъ, что Гродековъ пользуется большими симпатіями туземнаго населенія не только въ предѣлахъ нашихъ владѣній, но и въ Бухарѣ и Хивѣ, слывя за человѣка строгаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливаго.

Начавъ свою службу въ Туркестанѣ еще въ періодъ завоеванія края, когда, присоединяя постепенно къ имперіи различныя ханства, въ цѣломъ объемѣ или по частямъ, приходилось сначала вводить примитивное, чисто военное управленіе, главная дѣятельность котораго состояла въ поддержаніи порядка и повиновеніи власти со стороны мѣстнаго населенія, и, заканчивая свою службу, послѣ почти тридцатилѣтняго обладанія нашего краемъ, созданія въ немъ культурныхъ условій жизни, соединенія Туркестана непрерывнымъ рельсовымъ путемъ съ остальной имперіей и т. п., при дѣйствіи, однако, почти того же по имени военно-народнаго управленія, Гро-

дековъ, какъ знатокъ края, высказывалъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что оставленіе края въ вѣдѣніи военнаго министерства и при дѣйствующемъ въ немъ военно-народномъ управленіи (или, какъ оно именуется, административно-полицейскомъ) представляется печальнымъ недоразумѣніемъ.

По мнѣнію Гродекова, такой порядокъ управленія ведетъ къ обособленію края отъ имперіи, сохраняя въ немъ исключительное положеніе, почему онъ привѣтствовалъ Высочайшее повелѣніе 1906 года о передачѣ Туркестана въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, до настоящаго времени, однако, не приведенное въ исполненіе.

Заканчивая наши воспоминанія о дѣятельности Гродекова въ должности туркестанскаго генераль-губернатора, мы считаемъ необходимымъ упомянуть, хоть нѣсколькими словами, о частной его жизни.

Николай Ивановичъ при блестящемъ образованіи, исключительной начитанности обладалъ самыми широкими умственными запросами; кругъ его чтенія и вообще любознательности былъ очень великъ: то мы видѣли у него книги историческаго содержанія, преимущественно по русской исторіи, исторіи Востока и древняго міра, то находили богословскія книги, то путешествія, то сочиненія по исторіи искусства, наконецъ, произведенія современныхъ беллетристовъ; Николай Ивановичъ читалъ немало и газетъ и толстыхъ журналовъ, не пропуская ничего интереснаго изъ области нашей политики, внѣшней и внутренней, описанія странъ Востока и Сѣверной Азіи преимущественно и т. д. Приобрѣтаемыя книги Николай Ивановичъ большею частью дарилъ въ разныя городскія бібліотеки Сыръ-Дарынской области, въ публичную бібліотеку въ Ташкентѣ или въ ташкентскій военный госпиталь. Память у Николая Ивановича была по истинѣ—феноменальная, онъ быстро и основательно усваивалъ себѣ прочитанное, которое цѣлко удерживалось въ его памяти. Скрамный и застѣнчивый, Николай Ивановичъ не любилъ большого и особенно незнакомаго общества; на большихъ торжественныхъ приѣмахъ, парадахъ и т. п. онъ не терялся, сохранялъ полное достоинство, но предпочиталъ тѣсный кружокъ близкихъ по душѣ людей, въ кругу которыхъ онъ, обычно крайне молчаливый, дѣлался разговорчивымъ, милымъ и чрезвычайно интереснымъ собесѣдникомъ. На приѣмахъ просителей и представляющихся Николай Ивановичъ терпѣливо выслушивалъ каждаго, и всякое его замѣчаніе, всякое его слово было сказано умно и кстати, иногда съ большимъ юморомъ. Ораторскимъ талантомъ Господь, вообще щедро надѣлившій Гродекова, не одарилъ его, и Николай Ивановичъ старался не выступать съ публичными рѣчами. Однажды онъ передалъ намъ такой случай, имѣвшій съ нимъ мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ, еще

въ бытность председателемъ послѣдняго великаго князя Михаила Николаевича. На повѣсткѣ очереднаго засѣданія стоялъ вопросъ о закрытіи порто-франко на Дальнемъ Востокѣ. Николай Ивановичъ, какъ бывшій пріамурскій генераль-губернаторъ, интересовавшійся этимъ вопросомъ, собралъ много матеріаловъ и приготовилъ, т.-е. написалъ довольно длинную рѣчь, которую и началъ читать во время общаго собранія, однако былъ остановленъ председательствующимъ, напомнившимъ, что, согласно наказа, желающіе выступать съ рѣчами должны предварительно записываться, для опредѣленія очереди, и, кромѣ того, рѣчи въ Государственномъ Совѣтѣ не читаются, а произносятся устно. Замѣчаніе великаго князя такъ смутило Николая Ивановича, что онъ, не обладавшій отъ природы даромъ слова, по его словамъ, совершенно смѣшался и молча сѣлъ, не пытаясь болѣе выступать въ качествѣ оратора. Свою дѣятельность онъ перенесъ въ разныя комиссіи Государственнаго Совѣта, гдѣ оказывалъ огромную пользу своими знаніями и опытомъ.

Образъ жизни Николая Ивановича былъ самый умѣренный; въ одномъ лишь Николай Ивановичъ допускалъ нѣкоторыя излишества, а именно въ ѣдѣ, ѣлъ онъ много и любилъ поѣсть, но выборъ кушаній былъ чрезвычайно простой; требовалось лишь, чтобы все было хорошо приготовлено и изъ свѣжей провизіи, притомъ въ изобиліи. Николай Ивановичъ не слушался предостерегающихъ совѣтовъ и злоупотреблялъ ѣдою; его желѣзный организмъ выдерживалъ всѣ предъявляемыя къ нему испытанія. Самъ Николай Ивановичъ вывѣсилъ въ столовой написанное его врачомъ грозное предостереженіе о вредѣ обжорства, но это не мѣшало ему, проницески кивая на висѣвшее предостереженіе врача, съѣдать немовѣрное количество какихъ-либо жирныхъ пирожковъ и другихъ не менѣ вредныхъ въ его возрастѣ предметовъ.

Кромѣ ѣды, книгъ, Николай Ивановичъ любилъ тратить деньги и на пріобрѣтеніе картинъ, преимущественно изображавшихъ любимую имъ природу Туркестана, типы сартовъ, киргизовъ. Картины эти Николай Ивановичъ предполагалъ подарить впослѣдствіи туркестанской публичной картинной галереѣ. Всю остальную и при томъ большую часть содержанія своего Николай Ивановичъ тратилъ на разныя благотворительныя дѣла: пріобрѣтеніе церковной утвари, украшеніе городовъ предметами искусства, поддержку переселенцевъ выдачею имъ ссудъ и безвозвратныхъ пособій и т. п. Это былъ истинный безсребренникъ, широко творившій добро. Тароватый на свои деньги, Николай Ивановичъ былъ до крайности скупъ въ расходованіи казенныхъ, раздачъ казенныхъ пособій; особенно не любилъ онъ давать деньги на поддержку семей алкоголиковъ, говоря, что жены виноваты, что не могли удержатъ мужей отъ пьянства и рожали отъ пьяницъ дѣтей, буду-

щихъ же алкоголиковъ. Но, отказывая часто въ казенномъ пособіи, Николай Ивановичъ тайкомъ посылалъ упомянутого выше своего вѣрнаго Мустафу дать просительницѣ деньги изъ своего собственнаго кармана.

Ненависть къ куренію Николай Ивановичъ выказывалъ самую жестокую. Немедленно же съ водвореніемъ его въ домъ генераль-губернатора всюду по комнатамъ развѣшены были плакаты: «просятъ не курить», и ни для кого не дѣлалось въ этомъ отношеніи исключенія, несмотря на рангъ, возрастъ и т. п.; такъ, напримѣръ, бывший командиръ корпуса жандармовъ генераль-адъютантъ баронъ Ф. Ф. Таубе, страстный курильщикъ, долженъ былъ, приглашенный на завтракъ къ генераль-губернатору, выходить на дворъ, чтобы выкурить папироску. О позволившихъ себѣ курить, несмотря на «плакаты», производились разслѣдованія, и виновный торжественно «пристыжался».

Еще большую ненависть выказывалъ Николай Ивановичъ къ пьющимъ водку и съ упорной настойчивостью проводилъ мѣры къ запрещенію открытія въ русскихъ селеніяхъ Туркестанскаго края кабаковъ, оптовыхъ винныхъ складовъ, добившись сокращенія до минимума числа питейныхъ заведеній въ русскихъ поселеніяхъ въ Бухарѣ, гдѣ это зависѣло отъ его дискреціонной власти. Говоря о вредѣ алкоголизма, Николай Ивановичъ, вообще по наружному виду хладнокровный, уравновѣшенный, оживлялся, горячился, дѣлался краснорѣчивымъ.

Суровый по внѣшности, Николай Ивановичъ внушалъ этой кажущейся суровостью страхъ къ себѣ и безпрекословное повиновеніе. Но въ душѣ Николай Ивановичъ былъ добрѣйшій, чуткій къ горю другого человѣкъ; при всемъ томъ онъ, для поддержанія авторитета власти и дисциплины, безъ колебанія взыскивалъ строго съ виновныхъ, и никакія просьбы не могли измѣнить принятаго разрѣшенія. Будучи человѣкомъ сильной воли, стойкимъ въ своихъ убѣжденіяхъ, Гродековъ не былъ нетерпимымъ къ чужому мнѣнію и никогда не настаивалъ на своемъ, если, послѣ обстоятельнаго доклада, убѣждался въ неправильности своего взгляда, своей ошибкѣ. Не терпѣлъ онъ только лицемѣрной лжи. Въ дѣйствительности Гродековъ былъ строгимъ до неумолимости лишь къ самому себѣ.

Выслушивая терпѣливо докладчика, Николай Ивановичъ требовалъ самаго обстоятельнаго доклада и если находилъ, что докладчикъ самъ незнакомъ детально съ дѣломъ, онъ прикидывался не понимающимъ, чѣмъ вызывалъ рассказы о своемъ «тупоуміи»; на самомъ же дѣлѣ Николай Ивановичъ чрезвычайно быстро схватывалъ дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, поражая своею памятью и своимъ вниманіемъ. Суровость внѣшняя и требовательность Гродекова принесли огромную пользу въ округѣ, въ смыслѣ поддер-

жанія дисциплины и порядка среди славныхъ туркестанскихъ войскъ, сильно распущенныхъ за нѣсколько предшествовавшихъ назначенію Гродекова въ Туркестанъ лѣтъ.

Какъ ни мучительна была по временамъ болѣзнь, которой страдалъ Николай Ивановичъ, но онъ не допускалъ ни отдыха, ни пощады себѣ, не прекращалъ докладовъ, и если не могъ принять докладчиковъ лично, то требовалъ присылки докладовъ на домъ. Однажды я узналъ, что Николай Ивановичъ тяжело заболѣлъ: у него былъ глубокій обморокъ, и врачи уложили его въ постель; я пришелъ къ нему, допущенный, по его приказанію, Мустафой въ спальню; Николай Ивановичъ тяжело стоналъ, но едва пришелъ въ себя, какъ сталъ спрашивать о телеграммѣ, которую я долженъ былъ принести на подпись; узнавъ, что я собираюсь отправлять эту телеграмму на подпись его помощнику, потребовалъ, чтобы я принесъ и прочиталъ эту телеграмму. Когда я исполнилъ это, онъ съ большимъ усиліемъ всталъ съ постели и самъ подписалъ телеграмму, говоря, что, пока онъ не подалъ рапорта о болѣзни, все существенное будетъ подписывать самъ. Не слѣдуетъ думать, чтобы Николай Ивановичъ дѣлалъ это изъ недовѣрія къ другимъ, нѣтъ, онъ каждому предоставлялъ широкую инициативу и свободу въ тѣхъ предѣлахъ, которые допускалъ законъ.

Въ началѣ 1908 года я отпросился у Гродекова въ отпускъ по своимъ дѣламъ въ Петроградъ. Николай Ивановичъ, отпуская меня, далъ мнѣ столько служебныхъ порученій, что у меня едва хватило времени для своего дѣла; при томъ еще вдогонку я получалъ телеграммы генераль-губернатора съ требованіемъ разныхъ справокъ по дѣламъ края въ различныхъ центральныхъ управленіяхъ. Уѣзжая, по требованію Николая Ивановича, я заготовилъ для него письмо военному министру о желаніи, въ виду болѣзни, выйти въ отставку, о чемъ онъ просить всеподданнѣйше доложить Государю. Николай Ивановичъ обѣщалъ мнѣ, однако, письмо это оставить «подъ сукномъ», если болѣзнь его не обострится. Въ Петроградѣ я, по порученію Николая Ивановича, представлялся П. А. Столыпину и дѣлалъ ему докладъ по разнымъ краевымъ вопросамъ. Столыпинъ, одобривъ все, о чемъ просилъ Гродековъ, передалъ черезъ меня сердечный ему привѣтъ. Военный министръ также отнесся благожелательно къ доложеннымъ мною представленіямъ генераль-губернатора. Казалось, въ Петроградѣ для Николая Ивановича царила вполне благоприятная атмосфера. И вотъ, неожиданно совершенно для меня встрѣчавшій меня на вокзалѣ въ Ташкентѣ мой помощникъ докладываетъ, что Николай Ивановичъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. При встрѣчѣ со мною Николай Ивановичъ извинился, что поторопился до моего возвращенія съ отставкой, говоря, будто стало ему невмоготу и что обѣщанный имъ годъ службы въ Туркестанѣ онъ отбылъ, теперь

пора на покой; но тутъ же проговорился, что не можетъ примириться съ тѣмъ враждебнымъ отношеніемъ, которое проявляется къ нему главноуправляющій земледѣліемъ, особенно при томъ условіи, что именно въ край оный, Гродековъ, считаетъ въ данную минуту наиболѣе важнымъ проведеніе въ жизнь цѣлаго ряда мѣропріятій по вѣдомству землеустройства и земледѣлія, а при такомъ разладѣ и разнорѣчьи, несомнѣнно, причиненъ будетъ ущербъ самому дѣлу.

8-го марта 1906 года Николай Ивановичъ послать разыскать меня повсюду казака изъ его конвоя. Это уже было довольно поздно вечеромъ. Я явился немедленно и не узналъ Николая Ивановича, накануне мрачнаго и плохо себя чувствовавшего: радостью и какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ былъ преисполненъ Николай Ивановичъ, въ рукахъ оный держалъ телеграмму военнаго министра, сообщавшую о Высочайшей волѣ, въ силу которой Николай Ивановичъ отзывался, вмѣсто оставки, о которой оный просилъ, въ Государственный Совѣтъ, при лестномъ рескриптѣ и съ пожалованіемъ ордена св. Владимира первой степени.

Николай Ивановичъ истово при этомъ крестился и приговаривалъ: «Нынѣ отпускаши раба Твоего съ миромъ».

Такъ закончился для Туркестана подвигъ служенія Николая Ивановича. Просто и скромно, какъ всегда, простившись со своими сослуживцами и сотрудниками, поблагодаривъ ихъ за совмѣстную работу, Гродековъ оставилъ край, въ которомъ сдѣлалъ столько добра и которому принесть столько пользы въ качествѣ военнаго губернатора и въ качествѣ главнаго начальника обширнаго русскаго Туркестана, гдѣ имя его сохранится навсегда въ исторіи русскаго управленія краемъ, на ряду съ именемъ устроителя и покорителя края К. П. Кауфмана, и въ сердцахъ русскихъ людей, русскихъ переселенцевъ и арміи.

Въ 1910 году на георгіевскомъ праздникѣ старики, георгіевскіе кавалеры, собравшіеся въ Ташкентъ изъ далекихъ русскихъ селеній, вспомнили своего стараго командующаго и благодѣтеля и, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, одинъ изъ старыхъ «унтеровъ», поднявъ «чарку», пилъ за здоровье отсутствовавшего болѣе трехъ лѣтъ изъ края Гродекова.

Не могу не вспомнить еще одного характернаго анекдота изъ жизни Николая Ивановича. Въ 1907 году хоронили въ Ташкентѣ почтеннаго сослуживца и сотрудника Кауфмана, бывшаго медицинскаго инспектора С., долго болѣвшаго, потерявшаго связи въ обществѣ. На отпѣваніе усопшаго пришли только посторонніе, наряженные по службѣ представители разныхъ вѣдомствъ, связанныхъ съ прежней службой С., но лично его не знавшихъ. На отпѣваніи никто не молился, никто не плакалъ, видимо, присутствовавшіе хотѣли скорѣе отбыть свою скучную обязанность. Это

обратило вниманіе пришедшаго въ церковь Гродекова, и онъ, потрясенный тѣмъ безразличіемъ, которое царило по отношенію къ усопшему, сказалъ: «Вотъ старость одинокая! Нѣтъ ни слезъ родного, близкаго человѣка, ни искренняго горя, сочувствія!» Вернувшись домой, Гродековъ подвелъ меня къ письменному столу и сказалъ, указывая на одинъ ящикъ:

— Вотъ здѣсь деньги; если я умру, вы, Владимиръ Андреевичъ, наймите плакальщицъ изъ стараго (туземнаго) города, пусть хоть онѣ плачутъ, идя за моимъ гробомъ.

Ошибался Николай Ивановичъ, скромно оцѣнивая свои заслуги Государю и родинѣ: и безъ наемныхъ плакальщицъ по лицу всей земли русской немало нашлось людей, которые, зная его великій подвигъ служенія, испытавъ на себѣ его добро, съ теплыми искренними слезами проводили его въ мѣсто вѣчнаго упокоенія.

В. Мустафинъ.

